

В эти дни исполняется 70 лет со дня рождения известного кинорежиссера, народного артиста СССР, одного из основателей кинематографа республики Шакена Кенжетаяевича АЙМАНОВА.

ПРИХОДИЛ, КАК ПРАЗДНИК

Кончилось лето, начался сезон гастролей. Верблюды, лошади, ослы навьючены театральным реквизитом и уже готовы к долгим путешествиям по широкому выжженному спинам степей. Издали это шествие напоминает странный балаган, шумливый, озорной табор. Утро, туманный, озорной табор. Утро, туманный, озорной табор. Утро, туманный, озорной табор.

— Черт возьми, опять, кажется, не туда забрели? Аул вроде остался левее? — забеспокоился на своем дугорбом толстяк, качавшийся спереда.
— Оу, Калеке, — тут же отозвался с ослика кто-то. — Видно, твой верблюд оказался умнее тебя, раз уж остановился и не движется дальше?
Все прыснуло от смеха.
— Не знаю, Шаке, какие у вас связи с моим верблюдом, и что он шепнул тебе, — сразу же нашелся Калеке, — но видится нам, этому ослику давно надоело таскать твои сверлящие кости.
— Если бы не вес, Калеке, тебя можно было спутать с мягкой подушкой. Ишь как хребет продавил — горбы повылазили.
— А ты привстань, Шаке, — не отставала Калибек-ага, — наверняка на спине бедного ослика две трудовые мозоли, ведь едешь без седла...
Аул нашлся ближе к полудню. Местные собаки встретили караван задолго до поселка дружным оркестром шавок и волкодавов. Люди соблавились быстро.

— Что за шум?
— Говорят, артисты приехали из Алма-Аты. Народ в клубе собирают. Узкая, длинная конюшня, переделанная под Дом культуры. Сцены нет, занавесей тоже. Осветительные приборы — несколько керосиновых ламп, возле которых трещит черная мошкара. Рампа тоже только подражает. Вильям Шекспир — «Укрошение строптивой». Когда кончается очередная сцена, актеры отходят в сторону, мокрые от пота, и на общее обозрение выходят другие. Приблизилась сцена диалога Петруччио с Катарини.

— Хоть бы немного воздуха, — думала Хадиша, стоя чуть поодаль, — хоть несколько глотков...
— Шаке, — позвала она, — я не вытну сцену. Задохнусь.
— Не бойсь, Хадиша, сейчас устроим, — сказал он и, распахнув окно, осторожно подсадил ее на подоконник. Катарина спрыгнула на землю, сделала несколько судорожных вдохов, в голове помутилось, но она тут же взяла себя в руки. Шакен встал же обратно, а тем временем начался «гвоздь программы». «Ожерелье уронила, когда спрыгивала», — заметил про себя Шакен.

— Ах ты, такая-сякая, ты ему еще и мое любимое ожерелье подарила! — вставил вдруг в середине сцены Петруччио.
Зал грохнул. Артисты на сцене замерли. «Что он говорит? Какое ожерелье?» В голове Хадиши мысли проносились со скоростью курьерского поезда. Лицо ее невольно вытянулось, гримаса недоумения застыла в полуулыбке, она сделала несколько неуверенных движений, что еще больше рассмешило публику. Калибек-ага и Шакен покатались со смеху.
«Они что, с ума посходили?» — заметалась Хадиша и незаметно провела рукой по щеке. Бусы, действительно, пропали. «Ну, сорванцы», — разозлилась она и убежала со сцены. Зрители, схватившись за животы, повалились на пол.

Светало. Инвентарь был уже собран. Залатанные, выданные виды костюмы «итальянцев» выстираны и сушили на мягком ветру.
— Ну что, орлы, — обратился Шакен, — спать опять будем в седле? Пойдемте-ка в степь, погуляем.
Катарина, Баптиста и Петруччио шли втроем по темной степи. На лицах еще оставались следы легкого грима и тяжелой усталости. Стоял именно такой предвечерний час, когда вся природа замолкает в ожидании нового дня и дышит последние самые сладкие сны.

— Вот куплю со временем просторный светлый дом, — мечтательно вздохнул Петруччио. — Каждое утро буду сажать кедры и яблони. А вас в гости каждый день звать. Как?

ПРИЗВАНИЕ — ЧЕЛОВЕК



Шакен Кенжетаяевич Аймапов

— Тебе трудно будет понять, — захохотал он в ответ.
Если вспоминать о Шакене, то надо говорить о понятии «свобода». Он всегда и во всем был волен: и на сцене, и в жизни. Но это не пустая свобода, она заключала в себе высокий гражданский дух, и любое его проявление выражалось полнокровно. Он любил мечтать, например, о создании казахского народного театра, в котором бы просвещался его народ, о создании национального кинематографа. И, может быть, поэтому в 1953 году Аймапов ушел в кино.

В сороковых годах я снялся в его картине «Райхан», позже — в других фильмах. Но театр Шакен не забывал. Приходил, как сам праздник. Когда он играл, не только зрители у театра бились за билеты, но и сами актеры, отбывая свою сцену, не уходили покурить, побалагурить, а притаскивали скамейки и рассаживались за кулисами, с шумом отговаривая лучшие места. Откуда такая притягательная сила? Сергей Бондарчук сказал так о своем друге Шакене: «Его жизненный опыт позволяет глубоко проникнуть в жизнь героя». Я согласна с этой точкой зрения.

На кино он смотрел как на общественную кафедру, с которой учат человека быть умнее и требовательнее к себе, к своим близким. Я не помню, чтобы он грубил женщинам. Шакен любил повторять: «Вежливость украшает человеческие отношения». Но с мужчинами бывал жестче, часто наказывал шуток, Олжас Сулейменов как-то рассказывал, что в неистовых спорах на работе дело доходило даже до резкости. Но после, успокоившись, Шакен сразу же тянул к себе домой — пить чай, перекинуться в шахматы.

Если вспоминать о Шакене — значит говорить о доботе. Он умел выпитывать в себя добро, сам был его носителем и очень щедро делился с близкими и знакомыми. И доброту эту ощущаешь буквально физически. Ведь приходила же люди на один и те же спектакли по десять, по двадцать, по сорок раз, потому что никогда не было кляузы, всегда присутствовал элемент новизны, импровизации, и, конечно же, со сцены в зал излучалось добро. Я бы хотела оставить людям кусочек такого таланта, если он во мне хоть чуть-чуть имеется, как у Человека-Шаке. И сиди сейчас во втором кресле Шакена, я уверена: он не возражал бы.

Что в нем было истинно человеческого, он вылескивал все, до самой последней капли. Мы так не можем. И мечты он своей достиг: и дом выстроил, и сотни саженцев вырастил, и в гостях мы у него были и, кажется, остались там на всю жизнь.

Е. ТУРСУНОВ.
Алма-Ата.

— Вот мы в «Укрошении строптивой», а тут в «Каракичке-Кобланды». Видите, какой он грозный. А это «Дружба и любовь», вот «Глубокие корни», здесь он играет негра Бретто...

Добрая человеческая память абстрактна, но она материализуется в добрые дела. Вот что такое людская благодарность — киностажа «Казахфильм» будет носить теперь его имя.
Если вспоминать о Шакене — это значит говорить о нашем поколении. Я не могу представить Шакена Кенжетаяевича отдельно от К. Куанышпаева, Ш. Жандарбековой, М. Ауэзова, Г. Мусрепова... Я не могу вспомнить его одного, он обязательно в кругу друзей, в центре любого общества.

Есть понятие «талантливый актер, певец», реже говорят «талантливый человек». «Жизнь — это спектакль», — говорили классики. И очень редко случается, чтобы дар актера сливался с необыкновенным даром объяснителя, даром любви. Трудно уметь талантливо играть, еще труднее талантливо прожить. Он — человек по призванию.

Известно, что люди большую часть жизни проводят на работе. Актер всю жизнь играет разных людей и в каждом из них пытается проявить частичку себя, что-то из своей природы. Шакен сыграл свыше ста ролей: блестящих, неповторимых, запоминающихся, но та, которую люди запомнят надолго, — это роль Человека. Он и сейчас продолжает играть свою роль, его значение так осязаемо, что мне порой стыдно за любое проявление жестокости в человеческих отношениях.

Если вспоминать Шакена — значит говорить о постоянном поиске новых трудностей и тяжелых побед, о постоянной вере в лучшее и торжестве человека. Если сравнить нашу устремленность с мыслями некоторой части современной молодежи, которая не хочет говорить о прошлом, думать о будущем, лишь существуют сегодняшним днем, то это будет похоже на сравнение неба с землей. У нас никогда не было застоя в мыслях.

Недавно один очень известный поэт сказал, что Шакен Аймапов не был завистливым. Наверное, это не так. Он умел завидовать. По-доброму. Людям вообще свойственно завидовать, но у кого-то она одна, у другого — иная. Зависть для Шакена была мотором, стимулятором. Он завидовал мудрым, красивым, сильным. Он завидовал даже по мелочам. Как-то и пришла к нему и обринула несколько фраз на английском языке.

— Что ты сказала? — удивился он.
— Тебе не понять? — незлобно засмеялся он. Чуть позже в какой-то беседе он обратился ко мне с чистым французским прононсом. Выслушав долгую тираду, я изумилась:
— Что ты говоришь?

В личном архиве доктора искусствоведения Л. И. БОГАТЕНКОВОЙ хранятся записи бесед с Шакеном Аймаповым, письма, фотографии. Все они — свидетельства незабываемых встреч, которые остались не только в памяти театроведа, но и становятся материалом книг — опубликованных и готовящихся к печати.

ОСТАЛИСЬ ФОТОГРАФИИ И ПАМЯТЬ

Чем дальше уходит от нас холодный декабрьский день трагической гибели Шакена Аймапова в 1970 году, тем яснее и определеннее вырисовываются истинные масштабы личности этого выдающегося деятеля советской культуры, творца и мастера казахского искусства. Как сказал поэт, «большое видится на расстоянии». Богатый вклад Шакена Аймапова в развитие духовной жизни республики еще не раз привлечет к себе внимание будущих историков казахского театра и кино.

Но уже сегодня нет никаких сомнений в огромности его творческих свершений, и не надо никаких усилий, чтобы доказывать их плодотворность. Само время вписало имя Аймапова в историю культурной жизни республики и осветило его ярким светом народного признания и любви.

Народный артист СССР, художественный руководитель студии «Казахфильм», режиссер и актер Шакен Аймапов был человеком многогранного таланта. Универсальность дарования определила сложность его творческой судьбы, разделение как бы на два равнозначных этапа, в чем-то очень тесно переплетенных между собой и вместе с тем во многом несхожих. Первые двадцать лет своей жизни в искусстве Шакен Аймапов отдал казахскому театру. Он был актером, режиссером и художественным руководителем Казахского академического театра драмы. А в 1953 году, вдруг резко оборвав свое блистательное восхождение к вершинам сценического мастерства, ушел из театра в кино, увлекая собственным примером режиссеров-казахов в молодое киноискусство республики.

Но как бы талантливо и увлеченно ни работал он в кино, все сделанное им в театре не только не забывалось, но и

Е. ТУРСУНОВ.
Алма-Ата.

Сцена из спектакля «Укрошение строптивой». Герои скачут на «лихих» лошадках, впереди Петруччио, за ним Катарина, зади Глумио. Повернувшись лицом к публике, герои объясняются в чувствах. Играть та же музыку, но как меняется ритм этой сцены — какая легкость и задор в их движениях, как открыты их души навстречу счастью! И нет уже упрямых и строптивых. В славных движениях Петруччио и Катарини угадывается мир и согласие двух любящих. Вы слышите эту музыку, вы слышите их голоса?..



О том, что было...

★ В феврале 1914 года в Баянауле родился Ш. К. Аймапов.
★ Начало 30-х годов. Учеба в Семипалатинске, в Казахском институте просвещения.

★ В 1933 году Аймапов закончил 3-й курс института и по направлению Наркомпроса приезжает в Алма-Ату.

★ 3 сентября 1933 г. впервые переступает пороги Казахского театра драмы.

★ 1934—1935 гг. Спектакль «Мой друг» Н. Погодина. Первая профессиональная работа — роль Граммффона.

★ 1943 г. Премьера спектакля «Укрошение строптивой» В. Шекспира.

★ 1945 г. Ш. Аймапов обращается к режиссуре.

★ 1952 г. Спектаклю «Абай» присуждается Государственная премия Казахской ССР. Режиссер-постановщик Ш. Аймапов.

★ 1953 г. Шакен Аймапов пришел в кинематограф.

★ 1953 г. — первая кинокартина «Пома и любви». В ней снимались известные казахские актеры С. Кожымкулов, Ш. Жандарбекова, С. Майканова, Н. Жантурин, К. Кармысов и др.

★ 1954 г. — кинорежиссер Ш. Аймапов приступил к съемке фильма «Дочь степей». В главной роли народная артистка Казахской ССР Замзауль Досанова.

★ 1961—1970 гг. — новые работы «Казахфильма» под художественным руководством Аймапова «Песня зовет», «Далеко в горах», «Крылья песни», «Дорога жизни», «У подножия Найзатас», «Алдар-Косе», «Ангел в тобетейке»...

★ 1958 г. «Ахан-сер» — Актоткы Г. Мусрепова. Последняя постановка в театре.
★ 1964 г. «Отелло» В. Шекспира — последняя роль в театре.
★ Последняя кинокартина Ш. К. Аймапова — «Конец атамана».



В личном архиве доктора искусствоведения Л. И. БОГАТЕНКОВОЙ хранятся записи бесед с Шакеном Аймаповым, письма, фотографии. Все они — свидетельства незабываемых встреч, которые остались не только в памяти театроведа, но и становятся материалом книг — опубликованных и готовящихся к печати.

ОСТАЛИСЬ ФОТОГРАФИИ И ПАМЯТЬ

Чем дальше уходит от нас холодный декабрьский день трагической гибели Шакена Аймапова в 1970 году, тем яснее и определеннее вырисовываются истинные масштабы личности этого выдающегося деятеля советской культуры, творца и мастера казахского искусства. Как сказал поэт, «большое видится на расстоянии». Богатый вклад Шакена Аймапова в развитие духовной жизни республики еще не раз привлечет к себе внимание будущих историков казахского театра и кино.

Но уже сегодня нет никаких сомнений в огромности его творческих свершений, и не надо никаких усилий, чтобы доказывать их плодотворность. Само время вписало имя Аймапова в историю культурной жизни республики и осветило его ярким светом народного признания и любви.

Народный артист СССР, художественный руководитель студии «Казахфильм», режиссер и актер Шакен Аймапов был человеком многогранного таланта. Универсальность дарования определила сложность его творческой судьбы, разделение как бы на два равнозначных этапа, в чем-то очень тесно переплетенных между собой и вместе с тем во многом несхожих. Первые двадцать лет своей жизни в искусстве Шакен Аймапов отдал казахскому театру. Он был актером, режиссером и художественным руководителем Казахского академического театра драмы. А в 1953 году, вдруг резко оборвав свое блистательное восхождение к вершинам сценического мастерства, ушел из театра в кино, увлекая собственным примером режиссеров-казахов в молодое киноискусство республики.

Но как бы талантливо и увлеченно ни работал он в кино, все сделанное им в театре не только не забывалось, но и

Е. ТУРСУНОВ.
Алма-Ата.

в свою правоту, с таким пониманием беспомощности подобных разговоров, что собеседник сразу притих, успокоился, а еще через несколько минут уже весело смеялся над аймаповской шуткой.

Явное стремление Аймапова быть всегда в окружении людей объяснялось не только истинной демократичностью его натуры, но и естественным признанием своей популярности. Еще работая актером в театре, где ежедневный контакт с публикой не только корректировал и шлифовал актерское мастерство, но и рождал потребность высказаться и раскрыться как личность в области того или иного сценического героя, Аймапов научился дорожить вниманием зрителя и его оценкой. Затем он понял, что успех достигается стремлением быть понятым современниками в самых важных и сокровенных своих раздумьях художника и гражданина. А для этого необходимо говорить со зрителем о том, что его действительно интересно понять, и прежде всего о том, как найти свое место в мире, во всех его житейских «мелочках», в его разноликости, как научиться распознавать за его «случайными чертами» истинные ценности жизни.

Аймапов не боялся трезво и открыто оценивать зрительский успех своих фильмов. В одном из своих последних выступлений он сравнил показатели кинопроката «Земли отцов» и своей комедии «Наш милый доктор», которые свидетельствовали о явном перевесе внимания зрителя к комедийному жанру. Он не смирялся с естественной закономерностью такого положения, а настойчиво стремился разобраться в причинах «среднего» успеха многих серьезных и талантливых работ кинематографистов, чтобы выяснить для себя, как постановщик будущих фильмов, что и почему не было понято зрителем.

«Вот Шакен Кенжетаяевич рассказывает о своей юности. Он свободно ходит по комнате, а весь его облик незаметно преобразуется и молодеет. Приобретает контуры прочного литья его высокая и статная фигура. Светлеет усталое лицо с жесткими складками никогда не разглаживающихся на щеках морщин.

Человек удивительной творческой энергии, деятельность которого была широка и разнообразна, Ш. К. Аймапов жил всегда заботами нынешнего дня и, к сожалению, нередко был непростительно небрежен ко всему тому, что хоть как-то фиксировало, классифицировало и сохраняло для историков казахского искусства богатые плоды его неустанной работы. У него почти не было никакого архива, если не считать каких-то фотографий, нескольких тетрадей со старыми роликами, экспозиций спектаклей и случайно сохранившихся газетных статей о его спектаклях и фильмах. Он сам ругал себя за это и всякий раз, когда не мог разыскать какой-нибудь своей рукописи или напечатанной статьи, обещал себе и другим впредь не быть таким беспечным. Но ничего не менялось: по первой просьбе он мог отдать любой из еще имевшихся материалов и тут же забыть о нем. Его великолепная профессиональная память, которая сохраняла все, что относилось к жизни его творческого воображения, здесь словно бездействовала. Наверное, можно найти разные объяснения этой черте характера Аймапова. Его сильная, неиссякаемая талантливая натура была в самом расцвете, и потому он и не думал о том, что прошлые заслуги могут иметь определяющее значение для оценки его искусства. Прожитые годы вместили в себя очень много для одной человеческой жизни, а ему все казалось, что созданные им прекрасные роли, спектакли, фильмы и в малой степени не выразили мыслей и чувств, которыми так хотелось ему поделиться с миром. Это острое чувство ожидания своей «главной книги», быть может, и объясняет его невнимание ко всему тому, что делалось сегодня. Шакен Кенжетаяевич жил так, словно самое важное и сокровенное, о чем знал только он и во что так несокрушимо верил, ждало его где-то впереди, а вся напряженная, полная поисков и открытий жизнь художника была лишь началом.

Не эта ли устремленность в будущее и делала искусство Ш. Аймапова молодым и подлинно современным, заставляя каждый день и час идти навстречу всему новому, что дает наша жизнь?

Искусству Аймапова — выдающегося актера и режиссера — предстоит еще долгий путь. Плоды высокого вдохновения художника, который умел слушать пульс времени, и дальше будут активно помогать нам в борьбе за осуществление коммунистических идеалов.

